

А.Б. Галкин

Манилов

МАНИЛОВ — персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Значимое имя Манилова (от глагола «манить», «заманивать») иронически обыгрывается Гоголем, пародирующим лень, бесплодную мечтательность, прожектерство, сентиментальность. Возможные литературные источники образа Манилова — персонажи произведений Н. Карамзина, например Эраст из повести «Бедная Лиза». Историческим прототипом, по мнению Лихачева, мог быть царь Николай I, обнаруживающий родство с типом Манилова. Образ Манилова динамически разворачивается из пословицы: человек ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан. Вещи, окружающие Манилова, свидетельствуют о его неприспособленности, оторванности от жизни, о безразличии к реальности: господский дом стоит на юру, «открытом всем ветрам»; Манилов проводит время в беседке с надписью «Храм уединенного размышления», где ему приходят в голову разные фантастические проекты, например провести подземный ход от дома или выстроить через пруд каменный мост; в кабинете Манилов два года подряд лежит книжка с закладкой на 14-й странице; в картузах, табачнице рассыпан пепел, горки выбитой из трубки золы аккуратно расставлены на столе и окнах, что составляет досуг Манилова. Манилов, погруженный в заманчивые размышления, никогда не выезжает на поля, а между тем мужики пьянствуют, у сереньких изб деревни Манилова ни одного деревца — «только одно бревно»; хозяйство идет как-то само собой; ключница ворует, слуги Манилова спят и повесничают.

Портрет Манилова построен по принципу количественного нагнетания положительного качества (восторженности, симпатии, гостеприимства) до крайнего избытка, переходящего в противоположное, отрицательное качество: «черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару»; в лице Манилова «выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно...»; «В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: “Какой приятный и добрый человек!” В следующую <...> ничего не скажешь, а в третью скажешь: “Черт знает что такое!” — и отойдешь подальше...» Любовь Манилова и жены пародийно-сентиментальна. После восьми лет супружества они по-прежнему носят друг другу конфетки и лакомые кусочки со словами: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». Обожают сюрпризы: готовят в подарок «бисерный чехольчик на зубочистку» или вязаный кошелек. Утонченная деликатность и сердечность Манилова выражается в абсурдных формах неумного восторга: «щи, но от чистого сердца», «майский день, именины сердца»; чиновники, по словам Манилова, сплошь препочтеннейшие и прелюбезнейшие люди. Образ Манилова олицетворяет общечеловеческое явление — «маниловщину», то есть склонность к созданию химер, псевдофилософствованию. Манилов мечтает о соседе, с которым можно было бы беседовать «о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое...», философствовать «под тенью вяза» (пародия Гоголя на отвлеченность немецкого идеализма). Обобщенность, абстрактность, безразличие к деталям — свойства мирозерцания Манилова. В своем бесплодном идеализме Манилов — антипод материалиста, практика и русофила Собакевича. Манилов — западник, тяготеет к просвещенному европейскому образу жизни. Жена Манилова изучала французский в пансионе, играет на фортепиано, а дети Манилова — Фемистоклос и Алкид — получают домашнее образование; их имена, кроме того, заключают в себе героические претензии Манилова. (Алкид — второе имя Геракла; Фемистокл — вождь афинской демократии), однако алогизм имени Фемистоклос (имя греческое — окончание «нос»

латинское) высмеивает начатки образования полувосточного русского дворянства. Эффект гоголевского алогизма (уродство, нарушающее благопристойную норму предметного ряда) подчеркивает упадочность «маниловщины»: за обедом у Манилова на стол ставится щегольский подсвечник с тремя античными грациями и рядом «медный инвалид, хромой... весь в сале»; в гостиной — «прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей» — и два кресла, обтянутые рогожей. Поместье Манилова — первый круг Дантова ада, куда спускается Чичиков, первая стадия «омертвелости» души (Манилова еще сохраняет симпатию к людям), заключающаяся, по Гоголю, в отсутствии какого бы то ни было «задора». Фигура Манилова погружена в тусклую атмосферу, выдержанную в сумеречно-пепельных и серых тонах, создавая «ощущение странной эфемерности изображаемого» (В. Маркович). Сравнение Манилова со «слишком умным министром» указывает на призрачную эфемерность и прожектерство высшей государственной власти, типические черты которой — пошлая слащавость и лицемерие (С. Машинский).